

## Соціальный вопрос и цѣнность демократіи

Всѣмъ извѣстно, что современный кризисъ есть кризисъ перепроизводства. Машины слишкомъ много производятъ благъ и слишкомъ хорошо работаютъ. В этомъ какъ будто вся бѣда. Американскій кризисъ можно формулировать такъ: въ странѣ слишкомъ много золота и слишкомъ много хлѣба. Казалось бы, у современнаго человѣчества есть все, что нужно для благоденствія, досуга, процвѣтанія наукъ и искусствъ: хлѣбъ, золото, машины, изобрѣтенія. И все-таки ничего не получается: голодъ и безработица — рядомъ съ излишками и перепроизводствомъ. Однѣ группы населенія и однѣ страны «задыхаются отъ денегъ» — другія отъ безденежья; одни сжигаютъ хлѣбъ — другіе голодаютъ. Чего же не хватаетъ людямъ? Есть энергія, жажда работы, научная геніальность, изобрѣтательность, есть огромный капиталъ накопленія, есть неиспользованныя богатства земли, — но нѣтъ чего-то самаго главнаго. Чего же именно?

Нѣтъ принципа распределенія. Нѣтъ любви и справедливости; и однако безъ нихъ техническое умѣніе и богатство могутъ создать только социальный адъ классовой ненависти, въ которомъ одинаково задыхаются богатые и бѣдные подъ вѣчной угрозой взаимнаго пожиранія, въ которомъ легко дышится одному только Марксу. Нѣтъ готовности «раздать имущество нищимъ» — даже тогда, когда его нельзя проѣсть, некуда продать, негдѣ держать (въ какой валютѣ?).

«Раздать имущество нищимъ» не означаетъ, конечно, дрянно «нищелюбія». Сунуть калѣкъ гривну на паперти не значитъ рѣшить социальный вопросъ. Но все же социальный вопросъ для своего рѣшенія требуетъ готовности къ жертвѣ, готовности отдать и раздать, требуетъ любви и справедливости и притомъ съ той и другой стороны: нищій, мечтающій ограбить богача, Марксъ, мечтающій объ экспроприаціи экспроприаторовъ, столь же

неспособен найти принцип распределения, как и классической капиталист, ищущий только дешевого труда и покорного рабочего. Но «раздать» не значит просто «отдать», — раздать значит распределить, рѣшить «уравнение» права и справедливости, *suum cuique tribuere*. Кроме любви здѣсь необходима мудрость своего рода, и эта мудрость есть Логос права и справедливости, знаніе, воодушевленное любовью.

Что дѣло заключается именно в принципѣ распределения, это можно видѣть на слѣдующем примѣрѣ, взятом из практики американскаго кризиса. Прежде, в случаѣ безработицы в городѣ, рабочіе выѣзжали на фермы для уборки полей. Чтобы убрать квадратную милю пшеницы, нужно было 700 человек. Теперь, при современных машинах, для этого достаточно трех человек! Таким образом 697 остаются безработными и могут умирать с голоду, ибо пшеница даром не раздается. Но и три работавших, если даже они и собственники орудій производства, будут в самом жалком положеніи, ибо они не могут никому продать свою пшеницу при наличіи огромнаго большинства безработных, потерявших всякую покупательную способность. Вот схема, по которой объясняется появленіе безработицы и исчезновеніе спроса и рынков.

Или другой примѣр, близкій городскому жителю. Прежде цѣлая армія оркестров и музыкантов обслуживала синематографы города; теперь достаточно, пожалуй, одного оркестра, чтобы наиграть музыку ко всѣм новым фильмам Парижа. Радио и граммофон дѣлают огромное большинство средних исполнителей никому не нужным. Рационализациа и технизациа будут во всѣх областях увеличивать число безработных; быть может, оно будет расти в геометрической прогрессіи. Нѣкоторые с ужасом спрашивают себя: а что если огромное большинство всего человечества превратится в безработных? Ужаснутся и проклинают рационализацию и машины.

Но парадокс в том, что «безработица» есть счастье, а не несчастье человечества, — есть мощь, а не безсиліе, богатство, а не бѣдность. Развѣ все счастье в том, чтобы как можно большее число людей работало как можно больше? Развѣ это несчастье, что машина работает вмѣсто человека, что суще-

ствуют уже теперь грандіозныя предприятия, обслуживающія миллионы людей и управляемыя немногими единицами? Таковы, напримѣр, городскіе водопроводы, канализація, динамо. Но все это потенциальное счастье превращается в актуальное несчастье в силу несправедливости, даже абсурдности распределенія. Что если бы городскіе инженеры вздумали себѣ присвоить волю точно так же, как фермеры присваивают себѣ пшеницу, добытую при помощи мощных тракторов? Присваивают — и потом не знают, куда ее дѣвать.

Мы стоим перед проблемой распределенія. Принципы производства безконечно опередили принципы распределенія. Маркс, Ленин и Сталин не имѣют в сущности н и к а к и х принципов распределенія. «Право на удовлетвореніе потребностей» есть принцип смѣхотворный; «право на полный продукт труда» есть принцип индивидуалистическій, отрицающій коллективизацію. А вмѣстѣ с тѣм не имѣть принципа распределенія — значит не знать, в чем именно заключается «соціализація», и чего ради совершается соціальная революція. Вѣдь, производство остается в этом «коммунизмѣ» совершенно таким же, как и в капитализмѣ. Сказать: «орудія производства отнынѣ принадлежат трудящимся» — значит ничего не сказать, ибо тезис «все принадлежит народу» совершенно тождествен с антитезисом «ничего не принадлежит народу». Надѣленіе крестьян землею тождественно с отнятіем земли у крестьян. Отдача прибавочной цѣнности рабочему тождественна съ отнятіем прибавочной цѣнности у рабочаго. Маркс, вѣроятно, назвал бы это діалектикой.

Но отнять все у всѣх — не значит еще распределить. Коммунизм провозгласил «плановость» и «госплан», но никакого плана не имѣл, и имѣть не мог, ибо план распределенія есть созданіе новаго права, котораго так жаждал русскій народ. Народ, стихійно боровшійся за какія-то «права», оказался «лишенным всѣх прав состоянія». И это потому, что марксизм отрицает право, как «буржуазный предразсудок», и, отрицая право, тѣм самым отрицает всякій организаціонный принцип распределенія. В этом внутренній порок коммунизма. Маркс не знает субъективнаго права, не понимает и не чувствует его цѣнности, а потому не может п о с т а в и т ь

и рѣшить проблему распределенія, которая заключается в слѣдующем вопросѣ: кто и на что имѣет право?

Никто не мог отвѣтить на этот вопрос в эпоху «военнаго коммунизма», не может в сущности отвѣтить и теперь.

Военный коммунизм представлял собою такую систему распределенія: единый диктатор с громадной арміей чиновников вышвыривает по своему усмотрѣнію пайки всему населенію, проводящему время в очередях. Система привела к тому, что «обмѣн веществ» в социальном организмѣ начал останавливаться, и страна начала умирать. Военный коммунизм захлебнулся в распределеніи. Тогда Ленин сдѣлал то самое открытіе, которое является его единственным открытіем в сферѣ распределенія: он открыл свободу торговли. С тѣх пор происходит непрерывное колебаніе между диктатурой распределенія в формах военнаго коммунизма и періодическими возвращеніями к нѣкоторым формам свободной торговли, доходящее до наших дней. Такая «діалектика» означает полную неспособность установить какой-либо новый принцип распределенія, который и составляет настоящее искомое в рѣшеніи социальной проблемы.

Можно представить себѣ три формы распределенія:

1. Автономія частнаго хозяйства, покоющаяся на римско-правовом понятіи собственности и свободной купли-продажи; это стихійно-случайное распределеніе, отрицающее всякую «плановость», и вѣрящее в естественную гармонию интересов, которую утверждала классическая политическая экономія. Такая система распределенія есть буржуазно-капиталистическая демократія. Кроме принципов частнаго права, она предполагает еще публично-правовой принцип личности, принцип субъективных публичных прав, установленный деклараціями прав, принцип существенно христіанскаго происхожденія. Система эта всѣм хорошо извѣстна: западный мір в ней живет; ея недостатки всѣм очевидны, гораздо труднѣе замѣтить тѣ правовыя цѣнности, которыя в ней воплощены и которыя должны быть сохранены на будущее время.

2. Противоположная система отрицает всякую частно-хозяйственную автономію, отрицает римско-правовую собствен-

ность и свободу торговли, отрицает субъективные публичные права, отрицает, в концѣ концов, всякое право и всякую свободу личности, отрицает, наконец, и самое христианство, из котораго эта свобода выросла. Эта точка зрѣнія вѣрит в диктатуру абсолютной плановости, диктуемой сверху, в возможность все приказать, все декретировать, в возможность механически покорить всякую стихійность жизни. Это хорошо нам извѣстный режим «военного коммунизма», который воображает, что борется с капитализмом, воображает, что отрицает капитализм, а на самом дѣлѣ утверждает самую предѣльную и невыносимую форму капитализма, именно государственнѣй капитализм. Здѣсь тоже замѣчательная діалектика лозунгов: ниспроверженіе капитализма, империализма и монархизма приводит к государственнѣй капиталистической тираниі. Получается любопытное совпаденіе противоположностей: государственный социализм есть не что иное, как государственный капитализм; коммунизм есть послѣднее слово капитализма, вовсе не новое слово новаго міра, а всего лишь послѣднее слово стараго, всѣм ненавистнаго міра, завершеніе капитализма или капитало-коммунизм. Универсальная хозяйственно-политическая диктатура представляет собою гипертрофію империализма, монархизма и капитализма. Но, если в таком случаѣ коммунизм есть послѣднее слово капитализма, то как же вообще эта система может с капитализмом бороться и капитализм отрицать? Коммунистическій диктатор совершенно также и по тѣм же основаниям отрицает власть «буржуазных» королей и президентов, по каким прежде короли отрицали власть феодалов и боролись с ними. Борьба совершается во имя болѣе сильной и болѣе центральной власти. То, что коммунизм отрицает в буржуазной демократіи, — это не власть и не капитал. Он требует себѣ самому всю власть и весь капитал. Но он, дѣйствительно, отрицает всѣ остатки свободы и субъективных прав, которые еще присутствуют и свято охраняются в буржуазной демократіи. Настоящее противопоставленіе и настоящая борьба происходит не между капитализмом и коммунизмом, а между демократіей и диктатурой, между правовым государством и тиранией.

Объ эти системы распределенія были испробованы на практикѣ. Русскій коммунизм дѣлал невѣроятныя усилія навязать Россіи и міру коммунистическую систему распределенія, но постоянно принужден был возвращаться к старой системѣ свободнаго обмѣна. Третья, новая система распределенія еще не была испытана в больших размѣрах, и ей принадлежит будущее. Она рождается из такого вопроса: вѣрно ли, что всякая личная свобода и всякое индивидуальное право отрицает возможность всякаго хозяйственнаго плана в широких размѣрах? Вѣрно ли, что всякая «плановость» возможна только в формѣ диктатуры? Развѣ невозможна всеединая хозяйственно-правовая организація, сохраняющая духовную свободу и субъективныя права личности? Так мы приходим к третьей возможной формѣ распределенія.

3. Она есть социальная демократія, хозяйственная демократія в противоположность социальной и хозяйственной диктатурѣ; само-распределеніе, соответствующее государственному принципу самоуправленія. «Плановость» и само-организація исходят снизу, а не сверху. Это требует новых форм собственности и вознагражденія за труд, и не в формѣ декретов и указов, а в формѣ новаго права, автономно установленнаго, в формѣ хозяйственнаго самоуправления. Возможность такой новой организаціи указывается опытом несомнѣнных успѣхов производительной и потребительной коопераціи, а также профессиональных союзов. Вообще принцип коопераціи будет центральным принципом универсально организованнаго хозяйственнаго самоуправления. Что такая форма распределенія есть расширеніе до послѣдних предѣлов принципов демократіи и принципов правового государства—это самоочевидно. Право самоуправления (Self-government) расширяется до хозяйственнаго самоуправления. В противоположность этому государственный капитализм изгоняет и тѣ остатки самоуправления и личных свобод, которые еще сохраняются в современной демократіи наперекор тираническим тенденціям капитализма.

Объ послѣднія формы — и капитало-коммунизм, и хозяйственная демократія — требуют «плановости», универсальной организованности распределенія, но вмѣстѣ с тѣм объ формы

представляют дѣйствительную противоположность. И только онѣ суть настоящіе враги. Напротив, капитализм в своем развитіи неизбежно переходит в коммунизм.

Настоящія силы, которыя сейчас столкнулись для рѣшенія соціального вопроса — это диктатура и демократія. Кто отрицает демократію в настоящее время, тот неизбежно должен утверждать диктатуру, и наоборот. Совершенно бессмысленно противопоставлять демократіи в современной жизни монархію или аристократію; современная демократія прекрасно существует в формах монархіи и есть представительная демократія и, слѣдовательно, аристократія своего рода (отбор посредством выборов). В современной жизни болѣе, чѣм когда-либо, необходимо понять принцип демократіи и цѣнности, достигнутыя демократіей. Демократія на Западѣ, а в сущности и во всем мірѣ, есть прежде всего фактъ, достигнутое состояніе, а челоуѣкъ вообще, и особенно молодежь, рвется к недостигнутому и недостижимому. Мы не замѣчаем цѣнностей, среди которых живем, которыми живем, как не замѣчаем цѣнности воздуха и воды. Онѣ становятся для нас цѣнностями и драгоценностями, когда мы их лишены. Такова цѣнность права: она переживается преимущественно через «лишеніе прав», через лишеніе свободы. Замѣчательно, что демократію теперь приходится защищать прежде всего в порядкѣ консерватизма и аристократизма. Диктатура и тиранія есть самая неаристократическая форма, предназначенная для низкой черни и рабов. Приходится защищать тѣ цѣнности, которыя признаны и отчасти осуществлены в демократіи. Приходится защищать цѣнность права и цѣнность отбора, совершаемаго из всей массы народа при помощи системы выборов. Консерватизм есть бережное отношеніе к цѣностям, среди которых мы живем, и из которых мы творим будущія цѣнности.

Принцип демократіи, наперекор словесному смыслу, вовсе не есть власть народа и власть большинства. Принцип демократіи: правовое государство и автономія личности. Иначе говоря, ея принцип есть отрицаніе простого приказа, отрицаніе пассивнаго повиновенія, отрицаніе всяческой диктатуры и утверженіе

свободы и, прежде всего, субъективных, публичных прав. Основные формы современной демократии, несомненно, обеспечивают эти ценности; и их не обеспечивает никакой другой строй: ни самодержавие, ни абсолютная монархия, ни прямое народоправство античных республик или Новгорода, ни, конечно, все формы современных диктатур. Ценность свободы совести, свободы слова и свободы союзов — бесспорна с христианской точки зрения, ибо прямо выросла из христианства. Она есть ценность, лежащая в основе свободного общения духов, в основе духовного единства и, следовательно, в основе соборности и любви. Лишить человечество одной из этих свобод значит лишить его возможности осуществлять соборность и проявлять любовь, иначе говоря, стремиться к воплощению Царства Божия. Эти ценности, защищаемые современной демократией, суть вечные ценности, которые, с христианской точки зрения, перейдут в Царство Божие. Они уже содержатся в самой идее Царства Божия, ибо оно есть свобода, общение и союз.

Однако, демократия есть не только факт, достижение: в ней много недостигнутого и, быть может, недостижимого. Современная демократия покоится на некоторых принципах, которые лишь отчасти осуществлены в ней. Полное их осуществление есть задача безконечного творчества. Всякая критика современной демократии сводится к указанию этих неразрешенных задач и невыполненных обещаний. Критика демократии есть, в сущности, указание на то, что факт демократии не соответствует принципу демократии. Такова, например, критика Острогорского, вся построенная на утверждении, что демократия не осуществляет автономии личности. Он вполне справедливо указывает на основную язву демократии и парламентаризма — на организацию партий: партии сами устроены совсем не демократически, а скорее диктаторно. Вся эта критика означает, в конце концов, что демократия недостаточно демократична. Критика исходит из принципа автономии, самоуправления, и вовсе не думает этот принцип колебать. Совершенно к тому же сводится критика демократии с точки зрения отрицания капитализма и буржуазного либерализма. Ведь, отрицание либерализма совершается не во имя отрицания свободы, а

во имя расширения и углубления свободы. Те, кто критикует буржуазный либерализм, требуют сами экономической автономии, требуют хозяйственной демократии. Требуют, наконец, экономического права в субъективных публичных правах. (Право на достойное существование).

Слѣдует отличать идеал демократіи, как лично-общественнаго самоуправленія — от фактических форм осуществленія этого идеала. Парламентаризм и режим партій чаще всего и легче всего подвергаются критикѣ и нападенію. Слѣдует, однако, помнить, что режим единой партіи (как в коммунизмѣ или фашизмѣ) есть полная потеря личной свободы и индивидуальнаго развитія. Личность и творческая свобода угасают. С другой стороны, парламентаризм, несмотря на всѣ свои недостатки, имѣет одно величайшее преимущество, на которое не достаточно обращается вниманія: это легкость сверженія правительства. Всякая власть имѣет тенденцію къ злоупотребленію властью и потому должна быть періодически свергаема и смѣщаема. Эта истина доказывается и будет доказываться всей исторіей человѣчества; и вот парламентарный строй имѣет ту особенность, что он может свергать власть без всяких государственных потрясеній, без казней, убійств, дворцовых переворотов и гражданской войны. Это преимущество совершенно неоцѣнимое и в другом государственном строѣ недостижимое и невысказанное. Последняя идея демократіи, выражающая ея смысл и сущность, есть идея самоуправления. Тот демократ по духу, кто способен сказать: я сам! Я сам хочу дѣйствовать, творить, создавать свою судьбу; но я признаю, что другой человекъ есть тоже самость, субъектъ, дух, свобода. И весь народ тоже имѣет право сказать: я сам! Личность и цѣлое одинаково имѣют право на самоуправленіе. Принцип демократіи есть принцип права и справедливости. И этот принцип утверждает: индивидуальная личность и коллектив — равноцѣнны. Ни личность не может быть принесена в жертву коллективу, ни коллектив — в жертву личности. Кто утверждает, что этот принцип нарушается в современной демократіи, в ея экономическом или политическом бытѣ, тот лишь критикует в сущности фактическую демократію с точки

зрѣнія идеальной демократіи. Тот лишь требует выполнения задач, которыя исторической демократіей поставлены, но еще не рѣшены.

Таков, прежде всего, социальный вопрос. Он может быть поставлен и рѣшен только в формѣ демократіи, ибо он есть вопрос права, вопрос самоуправленія и самораспредѣленія, вопрос о правах личности по отношенію к коллективу и о правах коллектива по отношенію к каждой личности. Реорганизация собственности и распределения, перед которой стоит современное общество, требует соборнаго творчества; она неразрѣшима диктатурами и декретами. Слѣдует помнить, что власть, диктатура, тиранія неизбѣжно рождает бунт и сопротивление всѣх подсознательных аффектов. (Фрейд сказал бы: Эдипус-комплекс). Из темных глубин подсознанія вырастает стремленіе свергнуть patria potestas, патриархальную власть, убить императора, или тирана, будь то великій Цезарь, презрѣнный Нерон, или добрый «царь-батюшка», освободившій крестьян. Это сопротивление подсознанія столь огромно, что, если народ представит себѣ Бога по теоріи Ивана Грознаго, как небеснаго самодержца и тирана, — то неизбѣжно у него возникнет стремленіе свергнуть и «Отца Небеснаго». Современный психоанализ с огромной убѣдительностью показал радикальную неприемлемость для скрытых нѣдр подсознанія всѣх властно-диктатурных способов устроенія личности и общества. Рабы суть всегда подсознательные бунтовщики, и, чѣм глубже рабство, тѣм ужаснѣе предстоящій бунт.

Но диктатура и власть особенно ненавистны в сферѣ экономической — это доказал военный коммунизм. И это хорошо помнят всѣ, испытавшіе его диктатуру. Слова «я сам» звучат в сферѣ экономического распределения особенно мощно, ибо «я сам» означает здѣсь: «я сам знаю, что мнѣ нужно». Личность, получающая паек, всегда возмущена и всегда недовольна. Вот почему экономическая диктатура с ея произволом в распределеніи неизбѣжно должна опираться на всякаго рода карательные отряды, пытки и застѣнки. Иначе рабы немедленно растерзают диктатора-распределителя. Только само-распределение в формах права, мною самим вотированнаго и убѣди-

тельного для меня самого, для всѣх и каждаго, может устранить этот накапливающийся комплекс подсознательной и сознательной ненависти. Вся проблема распределения и вся реорганизация собственности может быть рѣшена только снизу, из нѣдр самого общества, в формѣ союзов, в формѣ широкой кооперации. Этого требует экономическая справедливость, этого требует хозяйственная демократія. Что при этом старыя партіи с их диктатурой вожаков и лидеров должны быть замѣнены совѣм новыми организациями, напримѣр, профессиональными и кооперативными объединениями, что парламент, таким образом, должен быть существенно перестроен, это представляется несомнѣнным. Но это не отрицает идею демократіи, а, напротив, постулирует ея болѣе полную реализацию.

Современная буржуазная демократія с ея частно-хозяйственной автономіей построена на двух принципах, взятых из двух различных сфер права: 1) на принципах права частнаго (имущественнаго), имѣющих явно римское дохристианское происхождение, в силу рецепціи римскаго права в христианском обществѣ — и 2) на принципах права публичнаго и государственнаго, имѣющих явно христианское происхождение (таковы деклараціи прав с их свободами). Отсюда то удивительное противорѣчіе, что высокая оцѣнка и справедливая защита личности в сферѣ публичнаго права сопровождается полной беззащитностью и покинутостью в сферѣ реальных имущественныхъ отношеній. Все государство стоит на стражѣ, чтобы защитить вас от самаго незначительнаго вора, но оно никогда не защищает вас от голодной смерти, от крайних несправедливостей распределения.

Все наше гражданское (имущественное) право создано до Рождества Христова римскими юристами; оно совершенно иначе смотрит на личность и на субъекта прав, чѣм христианизированное право публичное. Таковы всѣ современные гражданскіе кодексы — от кодекса Наполеона до Германскаго Уложения. Критикуя это послѣднее, Петражицкій написал слѣдующія замѣчательныя слова: «Составители Германскаго Гражданскаго Уложения забыли, что послѣ Римскаго права былъ Иисус Христос и Евангеліе любви». Фихте глубоко чувствовал эту

несправедливость формального частного римскаго права, провозглашая свой новый принцип имущественных отношеній: тот, кто не имѣет никакой собственности — не обязан соблюдать ничьей собственности.

Кто критикует «буржуазность» демократіи, тот критикует ея частное право с точки зрѣнія вѣрных и цѣнных принципов ея публичнаго права. Но слѣдует помнить, что наше частное право само по себѣ вообще совершенно индифферентно к принципам демократіи — оно потому и было кодифицировано абсолютною монархіей (кодекс Юстиніана, кодекс Наполеона, свод законов Николая I-го). Вина демократіи только в одном: она индифферентна к своему имущественному праву, которое противорѣчит ея центральному принципу: дѣйствительной автономіи личности, равноцѣнной автономіи общества. Мы приходим к тому же основному утвержденію: демократія недостаточно демократична.

Б. Вышеславцев.



## Проблема новаго средневѣковья

Наше время может быть названо эпохой достижений, результатов, свершений. Все, или почти все то, о чем с незапамятных времен, начиная с мифа о Дедалѣ и Икарѣ, и кончая романами Жюль Верна, мечтало человѣчество, о чем фантазировали утописты, что пробовали дѣлать колдуны, шаманы, маги, алхимики и астрологи, нынѣ претворено в дѣйствительность, стало предметом научнаго вѣдѣнія и повседневной практики. Уже это одно может навести на мысль, что коллективный Фауст прошел свой жизненный путь до конца, и что человѣчество приблизилось к тому моменту, послѣ котораго, если не времени, то исторіи уже больше не будет. И только теперь становится ясно, что нѣтъ ничего ужаснѣе осуществленія сразу всѣх возможностей. Ибо это уже само по себѣ порождает на-